

Содержание

Предисловие Иоахима Бауэра.....	7
Примечание редактора	17
 О смысле и ценности жизни	
Лекция первая	19
 О смысле и ценности жизни	
Лекция вторая	61
 Experimentum crucis	105
 Послесловие Франца Веселы.....	139
Примечания.....	149
О Викторе Франкле	151
Библиография.....	153
Институт Виктора Франкла	159
Благодарности	163

Предисловие Иоахима Бауэра

Собранные в этом томе тексты — записи трех лекций, прочитанных Виктором Франклом в 1946 году, — обладают невероятной мощью и ошеломляющей актуальностью. В сжатой форме они вполне передают ту мысль великого врача и психотерапевта, которую он в последующие годы развил во множестве статей и книг, причем уже в этих трех текстах автор с непревзойденной ясностью освещает то, что можно назвать «участием человека» или «условием человеческого существования» — *Conditio humana*. Тем выше заслуга издательства Beltz, которое, выпустив этот том, обеспечило доступ к идеям Виктора Франкла современному читателю, в особенности молодежи.

Виктор Франкл был одним из титанов (хотя он по своей скромности и не согласился бы с подобным определением). В моих глазах он стоит рядом с Гиппократом, основателем врачебного искусства Античной Греции, и эльзасским врачом Альбертом Швейцером,

.....

который в 1954 году был награжден Нобелевской премией мира. Как и Швейцер, Франкл вышел за рамки собственно медицины и обратился к сфере антропологии, к фундаментальным вопросам человеческого бытия. Далее я намерен выделить и подробнее разобрать три аспекта публикуемых текстов, которые особенно меня затронули.

«Самость» как суть человека

На тот момент, когда Виктор Франкл читал собранные в этом томе лекции, ему исполнился 41 год, самый расцвет сил. Но за спиной у него остался ужаснейший опыт, с каким доводилось сталкиваться человеку: Франкл принадлежит к числу многих миллионов жертв омерзительных преступлений нацизма — и к числу немногих, увы, очень немногих, кому удалось выжить в концлагере (и даже в нескольких концлагерях). Из этого опыта он вынес убеждение, которое следует признать его личным открытием: *что именно составляет суть человека, даже если лишить его всего остального.* По словам Франкла, произошла встреча с самим собой, со своей самостью. Особенность

.....

нынешнего времени заключается в том, что многим людям лихорадочный темп жизни либо не дает встретиться с самими собой, либо они даже активно избегают такой встречи. Почему они так поступают? Потому что эта встреча чревата неприятными ощущениями или вовсе невыносима.

Участь заключенного концлагеря — ни с чем не сопоставимое испытание, однако Виктор Франкл дает нам понять, что сам он не склонен преувеличивать исключительность такого опыта: и в так называемой нормальной жизни возникают ситуации, когда человека, словно узника, лишают многого или даже всего, что до того момента позволяло ему уклоняться от встречи с самим собой. Подобные ситуации знакомы каждому. Например, только в Германии ежегодно у 480 000 пациентов диагностируют рак. Всевозможные удары судьбы, утраты, несчастья и болезни внезапно вторгаются в жизнь и существенно стесняют человека, порой крайне ограничивая его возможности. И что же тогда?

Тексты Виктора Франкла помогают нам не откладывать встречу со своим «Я» до той поры, когда под натиском судьбы «расплавится» все

.....

несущественное, когда «деньги, власть, слава» окажутся под сомнением или будут утрачены (в кавычках приведены слова Франкла). Наше «Я» достойно того, чтобы обращаться к нему не только в том случае, когда жизнь уже не оставляет нам другого выбора. Недавно я посвятил книгу этой сути человека¹. Итак, ключевая задача каждой жизни состоит, согласно Франклу, в том, чтобы на достаточно ранних этапах жизни уже начать «внутреннее обустройство». Он призывал развивать «внутреннее умение», которое поможет оберечь «свое “Я”, свою суть», когда те барьеры, которыми мы окружаем себя в повседневной жизни, в частности материальные блага, внезапно рухнут.

Если человек не имеет контакта с самим собой и судьба вдруг сталкивает его с вопросом «что же придает его жизни подлинность, ценность и смысл?», в этот час испытания можно впасть в апатию. Франкл убедился: если «махнуть на себя рукой в духовной сфере... последует и телесный распад». Вот рассуждения врача, видящего человека в его цельности. Здесь Франкл предвосхищает основы современной психосоматики, в том числе и выводы современной психоонкологии: когда у челове-

ка исчерпываются внутренние силы, ослабевают также иммунная система и способность противостоять различным заболеваниям, в том числе злокачественным опухолям².

Источники смысла жизни

С предельной ясностью Виктор Франкл указывает нам источники, откуда возможно черпать смысл жизни. Ныне все больше людей по всему миру тревожит и побуждает ко все более настойчивым духовным поискам понимание ключевого факта: материальное благополучие само по себе не порождает смысла. «Удовольствие само по себе, — рассуждает Франкл, — никоим образом не может придать смысл бытию... Счастье не может, не должно и не смеет быть целью, оно лишь последствие». Отсюда Франкл переходит к решительному выводу, который послужит семенем развиваемой им экзистенциально-философской концепции: «Итак, не следует задавать вопрос: “Чего я могу ждать от жизни?”, а следует спрашивать: “Чего жизнь ждет от меня?”». Иными словами, жизнь задает нам вопросы и мы должны отвечать. И лишь

.....

в попытках ответить на эти вопросы можно обрести смысл.

Среди инструментов, которые имеются в нашем распоряжении и с помощью которых мы могли бы ответить на задаваемые жизнью вопросы, Франкл называет деятельные поступки, обращенность к другому человеку и переживание прекрасного (включая красоту природы). Если отнята возможность активной деятельности, остается возможность переживания, в том числе осознания, что ты любим. Человеку доступно «по ту сторону деятельности, в пассивном восприятии мира в себе... достичь наполненности жизни смыслом».

Размышляя о потенциальных источниках смысла, Виктор Франкл увлекает своих читателей в глубочайшие пучины: даже навалившееся на человека невыносимое страдание может превратиться в источник смысла. Смыслосозидающим актом станет внутренняя позиция человека по отношению к своему страданию, то, как он выберет и займет эту позицию. «Тот смысл, который прорастает из ситуации болезни и умирания, не могут пошатнуть никакие внешние неудачи, никакие мирские поражения»: Франкл пишет про

«внутренний успех». Смысл нашей жизни не в последнюю очередь определяется тем, «как мы противостоим нашей внешней судьбе».

Здесь проявляются крайне важные феномены, с которыми и ныне мы имеем дело, когда исследуем природу травмы. Болезнь и перенесенные травмы могут, при условии что у пострадавшего имеется достаточная социальная или терапевтическая поддержка, привести не к осложнениям, а к тому, что теперь именуется «посттравматическим ростом» (*Posttraumatic Growth*). Душа человека способна, «по крайней мере в определенной степени и в определенных пределах», укрепиться именно благодаря тому, что она познала несчастье. «От человека, и только от него одного, — продолжает Франкл, — зависит, принесет его страдание смысл или нет».

*Современная медицина:
между объективностью и человечностью*

К самым значимым темам собранных в этой книге лекций лично я отношу высказывания автора об отношениях между врачом и пациентом. Находясь в состоянии душевного кри-

зиса, который обычно бывает вызван тяжелым заболеванием, пациент, как правило, не может самостоятельно отыскать путь к восстановлению душевных сил. Чтобы выяснить скрытый смысл заболевания и вновь обрести утраченные душевные силы, пациенту и нужен хороший врач.

Виктор Франкл, который уже практиковал как специалист-невролог к тому времени, когда нацисты арестовали его и заключили в концлагерь, не обрушивается с огульной критикой на академическую медицину, скорее, он указывает на присущую современной медицине опасность, связанную с тем, что пациента рассматривают как «случай» или как «диагностический материал». Ошибется тот, кто сочтет, будто эти приводимые Франклом формулировки относятся к иному, далекому от нас времени. Я сам слышал коллег, называющих так пациентов и даже сотрудников («человеческие ресурсы»). Эти выражения свидетельствуют, как говорит Франкл, о том, «как глубоко и широко проникает тенденция врачей дистанцироваться от человека и объективировать его». Словно послание, адресованное нашей современной медицине, звучит мысль

.....

Франкла: «Хороший врач... всегда движется от объективности к человечности». Интересно, как Виктор Франкл оценил бы взгляды тех наших современников, кто полагает, что общество в целом имеет право требовать от человека неких жертв во имя медицины, в частности к возводимому в норму согласию жертвовать после смерти свои органы. Предлагаем читателям самостоятельно поискать ответ на этот вопрос после чтения лекций Франкла.

Для меня к числу наиболее вдохновляющих высказываний относятся рассуждения Франкла о том, что врач должен послужить каждому пациенту зеркалом и в глубочайшем смысле слова «разглядеть» его. Он видит «человечность врача, которая прежде всего открывает и тем самым пробуждает человеческое в пациенте». Какая мысль! Человек нуждается в том, чтобы его увидели и предъявили ему его отражение, в особенности в этом нуждается человек, настигнутый ударом судьбы или недугом, причем этот отклик ему требуется не только со стороны врача, но и вообще от людей. Чтобы найти в страдании смысл, чтобы предпринять попытку в тяжелой ситуации сформировать адекватную и достойную пози-

цию, человеку нужен Другой. Каждый узник концлагеря «знал... что где-то, каким-то образом, кто-то его видит». Франкл неоднократно подчеркивает «существование Другого, бытие Другого», без которого невозможно сохранять свое «Я» и осуществлять жизненные задачи. Уже здесь проявляется во всей полноте актуальность его текста. Понимание, что для обретения, развития и сохранения собственной индивидуальности необходим межчеловеческий резонанс, принадлежит к наисовременнейшим концепциям³.

Я желаю этой книге обрести многих заинтересованных читателей и совершенно уверен в том, что чтение трудов Виктора Франкла станет для каждого огромным личным приобретением.

Берлин, лето 2019

Профессор, доктор медицинских наук

Иоахим Бауэр

Иоахим Бауэр — психиатр, психотерапевт и автор известных книг по специальности. Он многие годы занимался нейробиологическими исследованиями. Профессор Бауэр преподает и ведет практику в Берлине. www.psychotherapie-prof-bauer.de.

Примечание редактора

Собранные в этой книге лекции Виктор Франкл прочел в марте — апреле 1946 года в Народном университете венского пролетарского района Оттакринг. В том же году они вышли в виде книги под названием «...И все-таки сказать жизни “Да!”. Три лекции». Для нынешнего издания выбрано другое заглавие, поскольку прежнее, цитату из знаменитого «Гимна Бухенвальда», автор затем использовал вновь, когда переиздавал свою книгу «Психолог в концлагере» вместе с драмой «Синхронизация в Бухенвальде».

Для нового издания тексты были подготовлены с учетом требований немецкого законодательства. Были бережно заменены отдельные выражения, которые во времена, когда Франкл читал эти лекции, составляли естественную и понятную часть общеупотребительного или медицинского словаря, а ныне сделались устаревшими и неприемлемыми, в том числе «сумасшедший дом», «негр», «душевнобольной», «идиот», «истребление», «умственно отсталые дети».

О смысле и ценности жизни

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Разговор о смысле и ценности жизни должен быть сегодня насущнее, чем когда-либо, вопрос лишь в том, «возможен» ли он и если да, то каким образом. В определенном отношении вести такой разговор теперь легче, поскольку о многом можно снова говорить открыто — обо всем том, что связано с проблемой осмысленности человеческого существования и его ценности, а также с проблемой человеческого достоинства. Но в другом отношении современность вновь затрудняет нам разговор о «смысле», «ценности» и «достоинстве». Ведь мы вынуждены задать себе вопрос: допустимо ли ныне вот так, не запнувшись, произносить эти слова? Не поставлен ли под сомнение самый смысл этих слов? Разве в последние годы негативная пропаганда не уничтожала все то, что значат эти слова — что они прежде значили?

Пропаганда последних лет была в упор направлена против потенциального смысла

.....

бытия, против его подвергшейся сомнению ценности. В эти годы усиленно демонстрировалась ничтожность человеческой жизни.

Еще Кант как представитель европейской научной мысли разрешил вопрос о подлинном достоинстве человека. Этот философ во второй формулировке категорического императива утверждал: каждая вещь имеет свою ценность, а человек — достоинство, и потому он никогда не может служить средством для какой-то цели. Но уже в *экономическом строе* последних десятилетий *трудящиеся люди* по большей части превращались в простое средство, низводились до орудия хозяйственной деятельности. Работа перестала быть средством для достижения определенной цели, для обеспечения жизни — скорее уж человек и его жизнь, его жизненные силы, рабочие силы превратились в средство для достижения цели.

А потом война — война, в которой человек и его жизнь были прямо поставлены на службу смерти. И концлагеря. Там эксплуатировалась, на последнем ее отрезке, даже та жизнь, которая оставалась приговоренным к смерти. Какое обесценивание жизни, какое унижение человека, полное отрицание его

.....

достоинства! Вообразим — чтобы подобрать этому меру, — что государство ставит себе целью всех, кого оно же приговаривает к смерти, каким-то образом еще использовать, до последнего мгновения отмеренного срока заставляет служить «рабочей силой», подводя под это обоснование: так, мол, целесообразнее, чем сразу убивать или же чем кормить этих людей до конца их естественной жизни. Сколько раз в концлагере нас попрекали, что мы «не стоим своего супа» — того супа, который выдавали нам как единственную за день пищу и который нам следовало отрабатывать, под присмотром копая землю! Мы, недостойные, получали эту незаслуженную милость лишь при соблюдении определенных условий: заключенным вменялось, протягивая тарелку, обнажать голову. И поскольку наша жизнь не стоила тарелки супа, наша смерть тоже ценилась дешево, дешевле свинцовой пули, так что для нас — только «Циклон Б»*.

Дошло и до массовых умерщвлений в психиатрических лечебницах. Было откровенно

* Пестицид на основе цианида, использовался для массового уничтожения людей в газовых камерах концлагерей. — *Здесь и далее прим. ред.*

заявлено, что всякая жизнь, которая перестала быть «продуктивной», хотя бы в самом жалком виде, уже и «недостойна существования».

Но со временем стало насаждаться и полное отрицание смысла. Как это происходит?

Современное наше мироощущение почти не оставляет места для веры в смысл. Мы находимся в типичной послевоенной ситуации. Пусть это выражение несколько журналистски-цветисто, однако оно точнейшим образом характеризует состояние современного общества: «разбомбленные души». Это было бы еще не так страшно, если бы повсеместно не господствовало предчувствие, что мы находимся в преддверии новой войны. Изобретение атомной бомбы порождает страх перед катастрофой всемирного масштаба, и на исходе второго тысячелетия воцаряется вера в скорый конец света. Такого рода мироощущение возникает не в первый раз. Так было в начале первого тысячелетия и в его конце. В предыдущем веке его называли настроением *fin-de-siècle**. И это чувство не просто пораженческое — в его основе всегда лежит фатализм.

* Конец века (*фр.*) — настроения в Европе 1890–1910 гг., которые характеризовались пессимизмом, страхом

Но с таким фатализмом невозможно приняться за восстановление порушенного в душах. Сначала нужно его преодолеть. И тут сразу требуется важная оговорка: сегодня ни в коем случае нельзя попросту отметить с дешевым оптимизмом то, что принесли с собой последние годы. Да, мы сделались пессимистами. Мы больше не верим в прогресс, в развитие человечества, которое-де произойдет само собой. Слепая вера в автоматически происходящий прогресс подготовила почву для *сытого мещанства*. Ныне такая вера не прогрессивна, а *реакционна*, ведь мы узнали, на что способен человек. И если искать коренное отличие между прежним образом мыслей и нынешним, то оно, вероятно, яснее всего проявляется в следующем: прежде активная деятельность сочеталась с оптимизмом, в то время как сейчас предпосылкой активности становится пессимизм. Ибо ныне любое побуждение к действию проистекает из знания: нет такого прогресса, на который можно

перед будущим, показной усталостью от жизни, цинизмом и сочетались с поиском легких наслаждений. Также этот период в искусстве получил название декаданса, ар-нуво, «прекрасной эпохи» и др.

.....

было бы с полным доверием положиться. И если мы сегодня не вправе сидеть сложа руки, так именно потому, что от каждого из нас зависит, что и как будет «прогрессировать». Ибо мы осознали, что существует лишь индивидуальный путь, а всеобщий прогресс сводится в лучшем случае к техническим достижениям, которые уже потому не могут устроить нас в качестве «прогресса», что мы и так живем в техническую эпоху. И лишь пессимизм побуждает нас действовать, лишь скептическое мировоззрение укрепляет в нас бодрствование, а старый оптимизм способен только убаюкать и погрузить в фатализм — пусть и такой, в розовых очках. Но чем такой фатализм в розовых очках — намного лучше трезвый активизм!

И насколько же неколебимой должна быть вера в осмысленность жизни, если эту веру не разрушит даже подобного рода скепсис. Как безусловно должны мы верить в смысл и ценность человеческого бытия, чтобы эта вера могла принять и вынести и такой скептицизм, и такой пессимизм. Причем как раз в эпоху, когда прежний идеализм обернулся полным разочарованием, когда прежним энтузиазмом

.....

так подло злоупотребили. Мы только и умеем, что апеллировать к идеализму или энтузиазму, но сегодняшнее поколение, нынешняя молодежь — обычно ведь именно у младшего поколения рассчитываешь обнаружить идеализм и энтузиазм — лишена образцов, которым могла бы следовать.

Слишком много произошло переломов на глазах у одного-единственного поколения, слишком много внешних катастроф и следовавших за ними внутренних крахов пришлось пережить — слишком, слишком много для одного поколения, чтобы ждать от него теперь еще какого-то идеализма или энтузиазма.

Все программы, лозунги, принципы были в результате этих лет чрезвычайно скомпрометированы. Ничто не могло устоять, так что не стоит удивляться, когда современная философия подает мир так, словно он и состоит из ничего. Но с помощью нигилизма, пройдя насквозь через пессимизм и скепсис, через трезвенность теперь уже не новой, а давно знакомой нам объективности, мы пробиваемся к новой человечности. Пусть последние годы и отрезвили нас, они также показали, что человеческое в человеке существует, они

научили нас, что всё и вся сходится на человеке. Когда все отвеивается, остается «просто» человек — вовеки! Он устоял и во всем дерьме недавнего прошлого. Он устоял и в испытаниях концлагеря. (Так в Баварии некий комендант лагеря регулярно вынимал тайком деньги из собственного кармана и покупал в соседнем городке лекарства для «своих» заключенных, но в том же лагере капо*, такой же заключенный, чудовищно издевался над товарищами по несчастью — все сводится к человеку!)

Итак, остался лишь человек, «просто» человек. За эти годы отпало все: деньги, власть, слава. Ни в чем он не мог быть уверен, даже в своей жизни, здоровье, благополучии. Все было поставлено под вопрос: честолубие, тщеславие, связи. Все свелось к голому существованию. В пламени горя сгорело все неважное, и человек заново выплавился из того, чем в конечном счете и был: либо один из толпы, то есть никто в особенности, аноним, безымянное нечто, лагерный номер, — либо этот огонь сплавлял человека с его самостью, «Я».

* Капо — привилегированный заключенный в концлагере Третьего рейха, работавший на администрацию.

Оставался ли у человека при этом выбор? Да, и пусть нас это не удивляет, ведь «бытие», «экзистенция», та простота и нагота, к которой был сведен человек, представляет собой не что иное, как возможность выбора.

И вот что могло помочь человеку сделать выбор, вот что участвовало в выборе: существование Другого, бытие Другого, то есть бытие его образа и примера. Этот образ действовал сильнее любых речей и писанных текстов, ибо всегда и всюду бытие значит больше слова. И тогда, и теперь, снова и снова приходится задавать себе вопрос: не важнее ли это — быть, нежели писать книги и читать лекции, — воплощать содержание в собственном бытии. К тому же осуществленное сильнее воздействует, слово само по себе мало чего добьется. (Однажды меня вызвали к самоубийце. Над ее кроватью висело в аккуратной рамочке изречение: «Превыше рока мужество, что неколебимо претерпевает рок». И под этим изречением женщина лишила себя жизни.)

Конечно, людей, которые могут и должны в своем бытии служить образцами, не так много. Это нашему пессимизму известно, и как

раз это подстегивает современный активизм, именно этим объясняется небывалая ответственность меньшинства. Старая легенда гласит как раз об этом: само существование мира зависит от того, чтобы в любую минуту в нем обитало 36 подлинных праведников. Всего 36! Ничтожная горсть. И все же на них опирается духовное состояние всего мира. Но у легенды есть и продолжение: как только кто-то из «праведников» распознается как таковой, как только в его тайну проникают окружающие, другие люди, он сразу же исчезает, его «забирают», он должен тотчас же умереть. Что же это значит? Наверное, мы не ошибемся, если изъясним это так: как только обнаруживается педагогическая наклонность образца, ему приходится умолкнуть, ведь люди не желают, чтобы их школили.

О чем все это говорит? К чему подводит это рассуждение? Вывод двоякий: все зависит от одного-единственного человека, независимо от того, сколь малочисленны его единомышленники, и все зависит от того, осуществит ли он творчески, действием, а не просто словами смысл жизни в своем собственном бытии. Негативной пропаганде последнего вре-